

ГЛАВА 1



Не прошло и пяти дней после того, как вдовья леди Бакстед отправила срочное послание своему брату, досточтимому маркизу Альверстоку, с просьбой нанести ей визит при первом же удобном случае, как ее младшая дочь сообщила ей, что дядя Вернон подъехал к их особняку. И не просто подъехал, а в пальто с дюжиной пелерин на воротнике, и что выглядит он при этом просто блестяще, как новенький пятипенсовик.

— Да вдобавок еще и в новой коляске, мама, весь такой цветущий! — провозгласила мисс Китти, прижавшись носом к оконному стеклу и восторженно кося глазом на означенного дядю. — Он душка, не правда ли, мама?

Леди Бакстед не преминула попенять дочери за употребление выражений, кои не подобает знать истинной леди, и повелела той отправляться в классную комнату.

Леди Бакстед не принадлежала к числу обожательниц своего брата, и тот факт, что он лично прикатил на Гросвенор-плейс¹ в собственной коляске, отнюдь не улучшил ее отношения к нему. Весеннее утро выдалось чудесным, но при этом дул порывистый ветер, и никто из тех, кто хорошо знал маркиза, ни на миг не усомнился бы в том, что он ни за что не заставит своих породистых лошадок дожидаться его более пяти минут. А это плохо укладывалось в составленный ею план — не то чтобы, как с горечью признавалась потом леди Бакстед своей старшей сестре, она питала какие-либо иные надежды, кроме самых черных, поскольку Альверсток был и остается законченным эгоистом, самым неучтивым и невозможным созданием на свете.

¹ Фешенебельная улица в Лондоне. Идет от Гайд-парка вдоль западной стороны садов Букингемского дворца и упирается в парк Гросвенор-Гарденз, через который выходит к железнодорожному вокзалу «Виктория». (Здесь и далее примеч. пер.)

Подобное замечание получило горячую поддержку леди Джевингтон, властной и представительной матроны, пребывающей на теневой стороне своего приближающегося сорокалетия. Она, разумеется, имела полное право считать (и считала) единственного брата бездушным эгоистом, но при этом никак не могла взять в толк, с чего бы ему оказывать большее покровительство Луизе, нежели ей.

Что же касается двоих сыновей и троих дочерей Луизы, то леди Джевингтон положительно не могла винить Альверстока в том, что он не испытывает к ним ни малейшего интереса. Представить себе человека, коего могли бы привлечь эти скучные и недалекие дети, она была решительно не в состоянии.

Однако же тот факт, что брат оставался равнодушен и к ее собственным отпрыскам, вызывал у нее горячее негодование. И впрямь, вполне можно было предположить, что холостяк, бывший не только завидным женихом, но и обладателем весьма значительного состояния, не откажет в такой малости, как ввести ее обожаемого Грегори в тот избранный круг, украшением которого служил сам, равно как и приложит все усилия к тому, дабы сделать ее дорогую Анну центром всеобщего внимания. То, что Анна уже была обручена в полном соответствии с правилами хорошего тона, причем без малейшего содействия со стороны брата, отнюдь не умаляло праведного гнева ее светлости.

Признавая справедливость возражений своего старомодного супруга относительно того, что сама она крайне неодобрительно относится к тому сборищу повес, к которому принадлежал и Альверсток, неоднократно выражая надежду, что Грегори не позволит вовлечь себя в столь неподобающее общество, леди Джевингтон тем не менее не могла простить маркизу того, что он не предпринял ни малейшей попытки сделать это. Она уверяла, что не придавала бы этому никакого значения, если бы не имела веских оснований полагать, что Альверсток не только купил для своего юного кузена и наследника титул корнета в лейб-гвардейском конном полку, но и выделил ему весьма значительный пансион. На что лорд Джевингтон заметил, что, поскольку он и сам вполне может обеспечить будущее собственного сына, не имеющего, кстати говоря, равным счетом никаких прав на состояние и благорасположение своего дяди, то вынужден отдать должное Альверстоку хотя бы в том, что

тому достало здравого смысла не предлагать им денежного вспомоществования, каковое глубоко оскорбило бы родителей досточтимого Грегори Сэндриджа. Это была истинная правда, но леди Джевингтон все же полагала, что, обладай Альверсток хотя бы малой толикой родственных чувств, он не осыпал бы своими милостями какого-то там кузена вместо родного племянника. Она также считала, что в более справедливом обществе именно сын старшей сестры, а не какой-то там дальний родственник, должен был по праву стать наследником маркиза.

Не желая допустить столь незаслуженного возвышения Грегори, леди Бакстед в общем и целом соглашалась с сестрой, и обе дамы были единомышленны в своем презрении к мистеру Эндимиону Донтри, коего заклеили первостатейным чурбаном. Но чем была вызвана сия враждебность к безвинному молодому человеку — то ли их неприязнь к его овдовевшей матушке, то ли его привлекательной внешностью и безупречной фигурой, чем не могли похвастать ни Грегори Сэндридж, ни юный лорд Бакстед, — оставалось тайной, прояснить которую никто не осмеливался.

Но, какова бы ни была причина, обе старшие сестры маркиза были убеждены в том, что сыскать более недостойного наследника состояния Альверстока, чем Эндимион, попросту невозможно, и обе прилагали все усилия к тому, чтобы обратить внимание брата на одну из тех юных и в высшей степени благопристойных красавиц, звездочки которых из года в год вспыхивали на орбите высшего общества.

Увы, главный порок Альверстока заключался в том, что он быстро терял интерес к чему и кому бы то ни было. Эта его черта сражала обеих сестер наповал. Хотя ни одна из них, глядя на многочисленных хрупких созданий, пользовавшихся его протекцией, не склонна была полагать, что он равнодушен к женскому очарованию, обе были не настолько глупы, дабы преисполниться чрезмерно радужных надежд, когда он начинал питать нежные чувства к очередному бриллианту красоты и состоятельности, который подсовывала ему под нос одна из его сестер. В течение нескольких недель такая девица оставалась объектом его воздыхания и страсти, после чего он устремлял свой взор на кого-либо иного, начисто забыв о существовании прежней пассии. Когда же обе сестры уразумели, что благо-

разумные родители дочерей на выданье уже поглядывают на него косо, считая его общество нежелательным и даже опасным, то оставили попытки подыскать ему супругу и принялись горячо оплакивать его праздность, проклинать эгоизм и упрекать его во всех смертных грехах, кои только становились им известны.

В подобном занятии не принимала участия лишь его младшая сестра, но, поскольку она отказалась от нескольких лестных предложений руки и сердца, выйдя замуж, ради собственного удовольствия, за обычного сельского сквайра, и редко бывала в метрополии¹, то обе почтенные дамы сочли возможным пренебречь ее мнением. Если же они заговаривали о ней, что случалось крайне редко, то величали ее не иначе как «бедная Элиза», и, хотя обе знали, что Альверсток отдает ей предпочтение перед ними, им и в голову не приходило обратиться к ней за помощью, дабы устроить его женитьбу. А если бы такое случилось, то обе с негодованием отвергли бы саму мысль об этом, свято веря, что не родился еще человек, способный повлиять на брата после того, как тот достиг совершеннолетия.

Однако же леди Бакстед вовсе не собиралась читать ему лекцию по этому поводу, когда настоятельно попросила маркиза навестить ее; она решила, что не скажет ничего, что способно вызвать его раздражение. Но, пока она ожидала его появления, надежда (вопреки здравому смыслу), зародившаяся у нее в груди, сменилась осознанием того, что он повел себя в свойственной ему манере, лишь через пять дней соизволив откликнуться на ее призыв, когда речь вполне могла идти о жизни или смерти. Изобразить на лице нежную привязанность стоило ей некоторых трудов, а уж вложить в голос сердечную теплоту — и подавно, когда он легкой походкой, не дожидаясь приглашения, вошел в комнату. И это тоже было вполне в его манере: продемонстрировать ей свое небрежное и даже развязное поведение, хотя ее светлость, особа строгих правил, терпеть не могла подобных вольностей, равно как и не разумела, с какой стати он ведет себя в ее доме, как в своем собственном.

Но, постаравшись подавить раздражение, она протянула ему руку со словами:

¹ Здесь: столица, Лондон.

— Вернон! Дорогой мой, какой приятный сюрприз!

— Неужели? — осведомился он, приподнимая черные брови. — Разве не ты просила меня прийти?

На губах леди Бакстед по-прежнему играла улыбка, но в голосе ее прозвучала язвительность.

— Несомненно, но это было так давно, что я уже решила, будто тебя нет в городе!

— Как можно! — ответил он со сладчайшей улыбкой.

Эта притворная любезность не обманула леди Бакстед, но она решила, что не станет отвечать на столь явную и намеренную провокацию. Похлопав ладонью по софе, она пригласила брата присесть рядом. Но он вместо этого направился к камину и наклонился, протягивая к огню руки, после чего заметил:

— Я не располагаю временем, Луиза. Что тебе от меня понадобилось?

Настроившись на то, чтобы исподволь подойти к интересующему ее предмету, она вдруг поняла, что столь прямой вопрос не только привел ее в негодование, но еще и сбил с толку. Леди Бакстед заколебалась, а он поднял голову, и в его в общем-то холодных серых глазах блеснул огонек.

— Итак?

К счастью, ей не пришлось отвечать ему немедленно, поскольку в этот самый момент в комнату вошел дворецкий с освежающими напитками, кои он счел подходящими для такого случая. Пока он опускал тяжелый поднос на приставной столик и доверительным тоном старого слуги сообщал маркизу, что позволил себе принести малагу и шерри, ей достало времени привести расстроенные мысли в порядок и заметить, с некоторым даже возмущением, что брат не постеснялся нанести ей визит в бриджах и сапогах для верховой езды: наряде столь же возмутительно небрежном, как и само его появление. И то, что сапоги его начищены до блеска, шейный платок повязан самым тщательным образом, а пальто сидело на нем как влитое, явно сшитое мастером своего дела, лишь усилило ее неудовольствие. Она бы смогла простить его за то, что он не счел нужным одеться подобающим образом, прежде чем нанести ей визит, если бы его небрежные манеры распространялись и на его туалет. Но ни один человек, выглядевший столь элегантно, как это неизменно